

Л.Н. Толстой

Чем люди живы

Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев: не любящий брата пребывает в смерти. (I посл. Иоанн. III, 14).
А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое: как пребывает в том любовь Божия? (III, 17).
Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиной. (III, 18).
Любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. (IV, 7).
Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. (IV, 8).
Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает. (IV, 12).
Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем. (IV, 16).
Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец, ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? (IV, 20).

I

Жил сапожник с женой и детьми у мужика на квартире. Ни дома своего, ни земли у него не было, и кормился он с семьей сапожной работой. Хлеб был дорогой, а работа дешевая, и что заработает, то и проест. Была у сапожника одна шуба с женой, да и та износилась в лохмотья; и второй год собирался сапожник купить овчин на новую шубу.

К осени собрались у сапожника деньжонки: три рубля бумажка лежала у бабы в сундуке, а еще пять рублей двадцать копеек было за мужиками в селе.

И собрался с утра сапожник в село за шубой. Надел нанковую бабью куртушку на вате на рубаху, сверху кафтан суконный, взял бумажку трехрублевую в карман, выломал палку и пошел после завтрака. Думал: "Получу пять рублей с мужиков, приложу своих три, - куплю овчин на шубу".

Пришел сапожник в село, зашел к одному мужику - дома нет, обещала баба на неделе прислать мужа с деньгами, а денег не дала; зашел к другому, - забожился мужик, что нет денег, только двадцать копеек отдал за починку сапог. Думал сапожник в долг взять овчины, - в долг не поверил овчинник.

- Денежки, - говорит, - принеси, тогда выбирай любые, а то знаем мы, как долги выбирать.

Так и не сделал сапожник никакого дела, только получил двадцать копеек за починку да взял у мужика старые валенки кожей обшить.

Потужил сапожник, выпил на все двадцать копеек водки и пошел домой без шубы, С утра сапожнику морозно показалось, а выпивши - тепло было и без шубы. Идет сапожник дорогой, одной рукой палочкой по мерзлым калмыжкам постукивает, а другой рукой сапогами валеными помахивает, сам с собой разговаривает.

- Я, - говорит, - и без шубы тёпел. Выпил шкалик; оно во всех жилках играет. И тулупа не надо. Иду, забывши горе. Вот какой я человек! Мне что? Я без шубы проживу. Мне ее век не надо. Одно - баба заскучает. Да и обидно - ты на него работай, а он тебя водит. Постой же ты теперь: не принесешь денежки, я с тебя шапку сниму, ей-богу, сниму. А то что же это? По двугривенному отдает! Ну что на двугривенный сделаешь! Выпить - одно. Говорит: нужда. Тебе нужда, а мне не нужда? У тебя и дом, и скотина, и все, а я весь тут; у тебя свой хлеб, а я на покупном, - откуда хочешь, а три рубля в неделю на один хлеб подай. Приду домой - а хлеб дошел; опять полтора рубля выложь. Так ты мне мое отдай.

Подходит так сапожник к часовне у поворотка, глядит - за самой за часовней что-то белеется. Стало уж смеркаться. Приглядывается сапожник, а не может рассмотреть, что

такое. “Камня, думает, здесь такого не было. Скотина? На скотину не похоже. С головы похоже на человека, да бело что-то. Да и человеку зачем тут быть?”

Подошел ближе - совсем видно стало. Что за чудо: точно, человек, живой ли, мертвый, голышом сидит, прислонен к часовне и не шевелится. Страшно стало сапожнику; думает себе: “Убили какие-нибудь человека, раздели, да и бросили тут. Подойди только, и не разделаешься потом”.

И пошел сапожник мимо. Зашел за часовню - не видать стало человека. Прошел часовню, оглянулся, видит - человек отслонился от часовни, шевелится, как будто приглядывается. Еще больше заробел сапожник, думает себе: “Подойти или мимо пройти? Подойти - как бы худо не было: кто его знает, какой он? Не за добрые дела попал сюда. Подойдешь, а он вскочит да задушит, и не уйдешь от него. А не задушит, так поди вожжайся с ним. Что с ним, с голым, делать? Не с себя же снять, последнее отдать. Пронеси только Бог!”

И прибавил сапожник шагу. Стал уж проходить часовню, да зазрила его совесть.

И остановился сапожник на дороге.

- Ты что же это, - говорит на себя, - Семен, делаешь? Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо идешь. Али дюже разбогател? боишься, ограбят богатство твое? Ай, Сема, неладно!

Повернулся Семен и пошел к человеку.

II

Подходит Семен к человеку, разглядывает его и видит: человек молодой, в силе, не видать на теле побоев, только видно - измучен человек и напуган; сидит, прислонясь, и не глядит на Семена, будто ослаб, глаз поднять не может. Подошел Семен вплоть, и вдруг как будто очнулся человек, повернул голову, открыл глаза и взглянул на Семена. И с этого взгляда полюбился человек Семену. Бросил он наземь валенки, распоясался, положил подпояску на валенки, скинул кафтан.

- Будет, - говорит, - толковать-то! Одевай, что ли! Ну-ка!

Взял Семен человека под локоть, - стал поднимать. Поднялся человек. И видит Семен - тело тонкое, чистое, руки, ноги не ломаные и лицо умильное. Накинул ему Семен кафтан на плечи, - не попадет в рукава. Заправил ему Семен руки, натянул, запахнул кафтан и подтянул подпояскою.

Снял было Семен картуз рваный, хотел на голого надеть, да холодно голове стало, думает: “У меня лысина во всю голову, а у него виски курчавые, длинные”. Надел опять. “Лучше сапоги ему обую”.

Посадил его и сапоги валеные обул ему.

Одел его сапожник и говорит:

- Так-то, брат. Ну-ка, разминайся да согревайся. А эти дела все без нас разберут. Идти можешь?

Стоит человек, умильно глядит на Семена, а выговорить ничего не может.

- Что же не говоришь? Не зимовать же тут. Надо к жилью. Ну-ка, на вот дубинку мою, обопрись, коли ослаб. Раскачивайся-ка!

И пошел человек. И пошел легко, не отстает. Идут они дорогой, и говорит Семен:

- Чей, значит, будешь?

- Я не здешний.

- Здешних-то я знаю. Попал-то, значит, как сюда, под часовню?

- Нельзя мне сказать.

- Должно, люди обидели?

- Никто меня не обидел. Меня Бог наказал.

- Известно, все Бог, да все же куда-нибудь прибавиться надо. Куда надо-то тебе?

- Мне все одно.

Подивился Семен. Не похож на озорника и на речах мягок, а не рассказывает про себя. И думает Семен: “Мало ли какие дела бывают”, - и говорит человеку:

- Что ж, так пойдем ко мне в дом, хоть отойдешь мало-мальски.

Идет Семен, не отстает от него странник, рядом идет. Поднялся ветер, прохватывает Семена под рубаху, и стал с него сходить хмель, и прозябать стал. Идет он, носом посапывает, запахивает на себе куртушку бабью и думает: “Вот-те и шуба, пошел за шубой, а без кафтана приду да еще голого с собой приведу. Не похвалит Матрена!” И как подумает об Матрене, скучно станет Семену. А, как поглядит на странника, вспомнит, как он взглянул на него за часовней, так взывает в нем сердце,

III

Убралась Семена жена рано. Дров нарубила, воды принесла, ребят накормила, сама закусила и задумалась; задумалась, когда хлебы ставить: нынче или завтра? Краюшка большая осталась.

“Если, думает, Семен там пообедает да много за ужином не съест, на завтра хватит хлеба”.

Повертела, повертела Матрена краюху, думает: “Не стану нынче хлебов ставить. Муки и то всего на одни хлебы осталось. Еще до пятницы протянем”.

Убрала Матрена хлеб и села у стола заплату на мужнину рубахушить. Шьет и думает Матрена про мужа, как он будет овчины на шубу покупать.

“Не обманул бы его овчинник. А то прост уж очень мой-то. Сам никого не обманет, а его малое дитя проведет. Восемь рублей деньги не малые. Можно хорошую шубу собрать. Хоть не дубленая, а все шуба. Прошлую зиму как бились без шубы! Ни на речку выйти, ни куда. А то вот пошел со двора, все на себя надел, мне и одеть нечего. Не рано пошел. Пора бы ему. Уж не загулял ли соколик-то мой?”

Только подумала Матрена, закрипели ступеньки на крыльце, кто-то вошел. Воткнула Матрена иголку, вышла в сени. Видит - вошли двое: Семен и с ним мужик какой-то без шапки и в валенках.

Сразу почуяла Матрена дух винный от мужа. “Ну, думает, так и есть, загулял”. Да как увидела, что он без кафтана, в куртушке в одной и не несет ничего. а молчит, ужимается, оборвалось у Матрены сердце. “Пропил, думает, деньги, загулял с каким-нибудь непутевым, да и его еще с собой привел”.

Пропустила их Матрена в избу, сама вошла, видит - человек чужой, молодой, худощавый, кафтан на нем ихний. Рубахи не видать под кафтаном, шапки нет. Как вошел, так стал, не шевелится и глаз не поднимает. И думает Матрена: недобрый человек - боится.

Насупилась Матрена, отошла к печи, глядит, что от них будет.

Снял Семен шапку, сел на лавку, как добрый.

- Что ж, - говорит, - Матрена, собери ужинать, что ли!

Пробурчала что-то себе под нос Матрена. Как стала у печи, не шевельнется: то на одного, то на другого посмотрит и только головой покачивает. Видит Семен, что баба не в себе, да делать нечего: как будто не примечает, берет за руку странника.

- Садись, - говорит, - брат, ужинать станем. Сел странник на лавку.

- Что же, али не варила?

Взяло зло Матрену.

- Варила, да не про тебя. Ты и ум, я вижу, пропил. Пошел за шубой, а без кафтана пришел, да еще какого-то бродягу голого с собой привел. Нет у меня про вас, пьяниц, ужина.

- Будет, Матрена, что без толку-то языком стрекотать! Ты спроси прежде, какой человек...

- Ты сказывай, куда деньги девал?

Полез Семен в кафтан, вынул бумажку, развернул.

- Деньги - вот они, а Трифонов не отдал, завтра посулился.

Еще пуще взяло зло Матрену: шубы не купил, а последний кафтан на какого-то голого надел да к себе привел.

Схватила со стела бумажку, понесла прятать, сама говорит:

- Нет у меня ужина. Всех пьяниц голых не накормишь.

- Эх, Матрена, поддержи язык-то. Прежде послушай, что говорят...

- Наслушаешься ума от пьяного дурака. Недаром не хотела за тебя, пьяницу, замуж идти. Матушка мне холсты отдала - ты пропил; пошел шубу купить - пропил.

Хочет Семен растолковать жене, что пропил он только двадцать копеек, хочет сказать, где он человека нашел,- не дает ему Матрена слова вставить: откуда что берется, по два слова вдруг говорит. Что десять лет тому назад было, и то все помянула.

Говорила, говорила Матрена, подскочила к Семену, схватила его за рукав.

- Давай поддевку-то мою. А то одна осталась, и ту с меня снял да на себя напер. Давай сюда, конопатый пес, пострел тебя расшиби!

Стал снимать с себя Семен куцавейку, рукав вывернул, дернула баба - затрещала в швах куцавейка. Схватила Матрена поддевку, на голову накинула и взялась за дверь. Хотела уйти, да остановилась: и сердце в ней расходилось - хочется ей зло сорвать и узнать хочется, какой-такой человек.

IV

Остановилась Матрена и говорит:

- Кабы добрый человек, так голый бы не был, а то на нем и рубахи-то нет. Кабы за добрыми делами пошел, ты бы сказал, откуда привел щеголя такого.

- Да я сказываю тебе: иду, у часовни сидит этот раздемши, застыл совсем. Не лето ведь, нагишом-то. Нанес меня на него Бог, а то бы пропасть. Ну, как быть? Мало ли какие дела бывают! Взял, одел и привел сюда. Утиши ты свое сердце. Грех, Матрена. Помирать будем.

Хотела Матрена изругаться, да поглядела на странника и замолчала. Сидит странник - не шевельнется, как сел на краю лавки. Руки сложены на коленях, голова на грудь опущена, глаз не раскрывает и все морщится, как будто душит его что. Замолчала Матрена. Семен и говорит:

- Матрена, али в тебе Бога нет?!

Услыхала это слово Матрена, взглянула еще на странника, и вдруг сошло у ней сердце. Отошла она от двери, подошла к печному углу, достала ужинать. Поставила чашку на стол, налили квасу, выложила краюшку последнюю. Подала нож и ложки.

- Хлебайте, что ль, - говорит.

Подвинул Семен странника.

- Пролезай, - говорит, - молодец.

Нарезал Семен хлеба, накрошил, и стали ужинать. А Матрена села об угол стола, подперлась рукой и глядит на странника.

И жалко стало Матрене странника, и полюбила она его. И вдруг повеселел странник, перестал морщиться, поднял глаза на Матрену и улыбнулся.

Поужинали; убрала баба и стала спрашивать странника:

- Да ты чей будешь?

- Не здешний я.

- Да как же ты на дорогу-то попал?

- Нельзя мне сказать.
- Кто ж тебя обобрал?
- Меня Бог наказал.
- Так голый и лежал?

- Так и лежал нагой, замерзал. Увидал меня Семен, пожалел, снял с себя кафтан, на меня надел и велел сюда прийти. А здесь ты меня накормила, напоила, Пожалела. Спасет вас Господь!

Встала Матрена, взяла с окна рубаху старую Семенову, ту самую, что платила, подала страннику; нашла еще портки, подала.

- На вот, я вижу, у тебя и рубахи-то нет. Оденься да ложись где полюбится - на хоры али на печь.

Снял странник кафтан, одел рубаху и портки и лег на хоры. Потушила Матрена свет, взяла кафтан и полезла к мужу.

Прикрылась Матрена концом кафтана, лежит и не спит, все странник ей с мыслью не идет.

Как вспомнит, что он последнюю краюшку доел и на завтра нет хлеба, как вспомнит, что рубаху и портки отдала, так скучно ей станет; а вспомнит, как он улыбнулся, и взывает в ней сердце.

Долго не спала Матрена и слышит - Семен тоже не спит, кафтан на себя тащит.

- Семен!

- А!

- Хлеб-то последний поели, а я и не ставила. На завтра, не знаю, как быть. Нечто у кумы Маланьи попрошу.

- Живы будем, сыты будем. Полежала баба, помолчала.

- А человек, видно, хороший, только что ж он не рассказывает про себя.

- Должно, нельзя.

- Сём!

- А!

- Мы-то даем, да что ж нам никто не дает?

Не знал Семен, что сказать. Говорит: "Будет толковать-то". Повернулся и заснул.

V

Наутро проснулся Семен. Дети спят, жена пошла к соседям хлеба занимать. Один вчерашний странник в старых портках и рубахе на лавке сидит, вверх смотрит. И лицо у него против вчерашнего светлее.

И говорит Семен:

- Чего ж, милая голова: брюхо хлеба просит, а голое тело одежды. Кормиться надо. Что работать умеешь?

- Я ничего не умею. Подивился Семен и говорит:

- Была бы охота. Всему люди учатся. - Люди работают, и я работать буду.

- Тебя как звать?

- Михаил.

- Ну, Михаила, рассказывать про себя не хочешь - твое дело, а кормиться надо. Работать будешь, что прикажу, - кормить буду.

- Спаси тебя Господь, а я учиться буду. Покажи, что делать.

Взял Семен пряжу, надел на пальцы и стал делать конец.

- Дело не хитрое, гляди...

Посмотрел Михаила, надел также на пальцы, тотчас перенял, сделал конец.

Показал ему Семен, как наваривать. Также сразу понял Михаила. Показал хозяин и как всучить щетинку и как тачать, и тоже сразу понял Михаила.

Какую ни покажет ему работу Семен, все сразу поймет, и с третьего дня стал работать, как будто век шил. Работает без разгиба, ест мало; переমেжится работа - молчит и все вверх глядит. На улицу не ходит, не говорит лишнего, не шутит, не смеется.

Только и видели раз, как он улыбнулся в первый вечер, когда ему баба ужинать собрала.

VI

День ко дню, неделя к неделе, вскружился и год. Живет Михаила по-прежнему у Семена, работает. И прошла про Семенова работника слава, что никто так чисто и крепко сапог не сошьет, как Семенов работник Михаила, и стали из округи к Семену за сапогами ездить, и стал у Семена достаток прибавляться.

Сидят раз по зиме Семен с Михайлой, работают, подъезжает к избе тройкой с колокольцами возок. Поглядели в окно: остановился возок против избы, соскочил молодец с облучка, отворил дверцу. Вылезает из возка в шубе барин. Вышел из возка, пошел к Семенову дому, вошел на крыльцо. Выскочила Матрена, распахнула дверь настежь. Нагнулся барин, вошел в избу, выпрямился, чуть головой до потолка не достал, весь угол захватил.

Встал Семен, поклонился и дивуется на барина. И не видывал он людей таких. Сам Семен поджарый и Михаила худощавый, а Матрена и вовсе как щепка сухая, а этот - как с другого света человек: морда красная, налитая, шея как у быка, весь как из чугуна вылит.

Обдулся барин, снял шубу, сел на лавку и говорит;

- Кто хозяин сапожник?

Вышел Семен, говорит:

- Я, ваше степенство.

Крикнул барин на своего малого:

- Эй, Федька, подай сюда товар.

Вбежал малый, внес узелок. Взял барин узел, положил на стол.

- Развяжи, - говорит. Развязал малый.

Ткнул барин пальцем товар сапожный и говорит Семену:

- Ну, слушай же ты, сапожник. Видишь товар?

- Вижу, - говорит, - ваше благородие.

- Да ты понимаешь ли, какой это товар?

Пощупал Семен товар, говорит:

- Товар хороший.

- То-то хороший! Ты, дурак, еще не видал товару такого. Товар немецкий, двадцать рублей плачен.

Заробел Семен, говорит:

- Где же нам видать.

- Ну, то-то. Можешь ты из этого товара на мою ногу сапоги сшить?

- Можно, ваше степенство.

Закричал на него барин:

- То-то "можно". Ты понимай, ты на кого шьешь, из какого товару. Такие сапоги мне сшей, чтобы год носились, не кривились, не поролись. Можешь - берись, режь товар, а не можешь - и не берись и не режь товару. Я тебе наперед говорю: распорются, скривятся сапоги раньше году, я тебя в острог засажу; не скривятся, не распорются до году, я за работу десять рублей отдам.

Заробел Семен и не знает, что сказать. Оглянулся на Михаилу. Толкнул его локтем и шепчет:

- Братъ, что ли?

Кивнул головой Михаила: “Бери, мол, работу”.

Послушался Семен Михаилу, взялся такие сапоги сшить, чтобы год не кривились, не поролись.

Крикнул барин малого, велел снять сапог с левой ноги, вытянул ногу.

- Снимай мерку!

Сшил Семен бумажку в десять вершков, загладил, стал на коленки, руку об фартук обтер хорошенько, чтобы барский чулок не попачкать, и стал мерить. Обмерил Семен подошву, обмерил в подъеме; стал икру мерить, не сошлась бумажка. Ножища в икре как бревно толстая.

- Смотри, в голенище не обузь.

Стал Семен еще бумажку нашивать. Сидит барин, пошевеливает перстами в чулке, народ в избе оглядывает. Увидал Михаилу.

- Это кто ж, - говорит, - у тебя?

- А это самый мой мастер, он и шить будет.

- Смотри же, - говорит барин на Михаилу, - помни, так сшей, чтобы год проносились.

Оглянулся и Семен на Михаилу; видит - Михаила на барина и не глядит, а уставился в угол за бариним, точно вглядывается в кого. Глядел, глядел Михаила и вдруг улыбнулся и просветлел весь.

- Ты что, дурак, зубы скалишь? Ты лучше смотри, чтобы к сроку готовы были.

И говорит Михаилу:

- Как раз успеют, когда надо.

- То-то.

Надел барин сапог, шубу, запахнулся и пошел к двери. Да забыл нагнуться, стукнулся в притолоку головой.

Разругался барин, потер себе голову, сел в возок и уехал.

Отъехал барин, Семен и говорит:

- Ну уж кремняст. Этого долбней не убьешь. Косяк головой высадил, а ему горя мало.

А Матрена говорит:

- С житья такого как им гладким не быть. Этакого заклепа и смерть не возьмет.

VII

И говорит Семен Михаилу:

- Взять-то взяли работу, да как бы нам беды не нажить. Товар дорогой, а барин сердитый. Как бы не ошибиться. Ну-ка ты, у тебя и глаза повострее, да и в руках-то больше моего сноровки стало, на-ка мерку. Крои товар, а я головки дошивать буду.

Не послушался Михаила, взял товар барский, разостлал на столе, сложил вдвое, взял нож и начал кроить.

Подошла Матрена, глядит, как Михаила кроит, и дивится, что такое Михаилу делает. Привыкла уж и Матрена к сапожному делу, глядит и видит, что Михайла не по-сапожному товар кроит, а на круглые вырезает.

Хотела сказать Матрена, да думает себе: “Должно, не поняла я, как сапоги барину шить; должно, Михаила лучше знает, не стану мешаться”.

Скроил Михаила пару, взял конец и стал сшивать не по-сапожному, в два конца, а одним концом, как босовики шьют.

Подивилась и на это Матрена, да тоже мешаться не стала. А Михаила все шьет. Стали полудновать, поднялся Семен, смотрит - у Михайлы из барского товару босовики сшиты.

Ахнул Семен. “Как это, думает, Михаила год целый жил, не ошибался ни в чем, а теперь беду такую наделал? Барин сапоги вытяжные на ранту заказывал, а он босовики

сшил без подошвы, товар испортил. Как я теперь разделаюсь с барином? Товару такого не найдешь”.

И говорит он Михаиле:

- Ты что же это, - говорит, - милая голова, наделал? Зарезал ты меня? Ведь барин сапоги заказывал, а ты что сшил?

Только начал он выговаривать Михаиле - грох в кольцо у двери, стучится кто-то. Глянули в окно: верхом кто-то приехал, лошадь привязывает. Отперли: входит тот самый малый от барина.

- Здорово!

- Здорово. Чего надо?

- Да вот барыня прислала об сапогах.

- Что об сапогах?

- Да что об сапогах! сапог не нужно барину. Приказал долго жить барин.

- Что ты!

- От вас до дома не доехал, в возке и помер. Подъехала повозка к дому, вышли высаживать, а он как куль завалился, уж и зачоченел, мертвый лежит, насили из возка выпростали. Барыня и прислала, говорит: “Скажи ты сапожнику, что был, мол, у вас барин, сапоги заказывал и товар оставил, так скажи: сапог не нужно, а чтобы босовики на мертвого поскорее из товару сшил. Да дождись, пока сошьют, и с собой босовики привези”. Вот и приехал.

Взял Михаила со стола обрезки товара, свернул трубкой, взял и босовики готовые, щелкнул друг об друга, обтер фартуком и подал малому. Взял малый босовики.

- Прощайте, хозяйева! Час добрый!

VIII

Прошел и еще год, и два, и живет Михаила уже шестой год у Семена. Живет по-прежнему. Никуда не ходит, лишнего не говорит и во все время только два раза улыбнулся: один раз, когда баба ему ужинать собрала, другой раз на барина. Не нарадуется Семен на своего работника. И не спрашивает его больше, откуда он; только одного боится, чтоб не ушел от него Михаила.

Сидят раз дома. Хозяйка в печь чугуны ставит, а ребята по лавкам бегают, в окна глядят. Семен тачает у одного окна, а Михаила у другого каблук набивает.

Подбежал мальчик по лавке к Михаиле, оперся ему на плечо и глядит в окно.

- Дядя Михаила, глянь-ка, купчиха с девочками, никак, к нам идет. А девочка одна хромая.

Только сказал это мальчик, Михаила бросил работу, повернулся к окну, глядит на улицу.

И удивился Семен. То никогда не глядит на улицу Михаила, а теперь припал к окну, глядит на что-то. Поглядел и Семен в окно; видит - вправду идет женщина к его двору, одета чисто, ведет за ручки двух девочек в шубках, в платочках в ковровых. Девочки одна в одну, разузнать нельзя. Только у одной левая ножка попорчена - идет, припадает.

Вошла женщина на крыльцо, в сени, ощупала дверь, потянула за скобу - отворила. Пропустила вперед себя двух девочек и вошла в избу.

- Здорово, хозяйева!

- Просим милости. Что надо? Села женщина к столу. Прижались ей девочки в колени, людей чюдятся.

- Да вот девочкам на весну кожаные башмачки сшить.

- Что же, можно. Не шивали мы маленьких таких, да все можно. Можно рантовые, можно выворотные на холсте. Вот Михаила у меня мастер.

Оглянулся Семен на Михаилу и видит: Михаила работу бросил, сидит, глаз не сводит с девочек.

И подивился Семен на Михаилу. Правда, хороши, думает, девочки: черноглазенькие. пухленькие, румянькие, и шубки и платочки на них хорошие, а все не поймет Семен, что он так приглядывается на них, точно знакомые они ему.

Подивился Семен и стал с женщиной толковать - рядиться. Порядился, сложил мерку. Подняла себе женщина на колени хроменькую и говорит:

- Вот с этой две меркиними; на кривенькую ножку один башмачок сшей, а на пряменькую три. У них ножки одинакие, одна в одну. Двойни они.

Снял Семен мерку и говорит на хроменькую:

- С чего же это с ней случилось? Девочка такая хорошая. Сроду, что ли?

- Нет, мать задавила.

Вступилась Матрена, хочется ей узнать, чья такая женщина и чьи дети, и говорит:

- А ты разве им не мать будешь?

- Я не мать им и не родня, хозяйюшка, чужие вовсе - приемыши.

- Не свои дети, а как жалеешь их!

- Как мне их не жалеть, я их обеих своею грудью выкормила. Свое было детище, да Бог прибрал, его так не жалела, как их жалею.

- Да чьи же они?

IX

Разговорилась женщина и стала рассказывать.

- Годов шесть, - говорит, - тому дело было, в одну неделю обмерли сиротки эти: отца во вторник похоронили, а мать в пятницу померла. Остались обморушки эти от отца трех деньков, а мать и дня не прожила. Я в эту пору с мужем в крестьянстве жила. Соседи были, двор об двор жили. Отец их мужик одинокий был, в роце работал. Да уронили дерево как-то на него, его поперек прихватило, все нутро выдавило. Только довели, он и отдал Богу душу, а баба его в ту же неделю и роди двойню, вот этих девочек. Бедность, одиночество, одна баба была, - ни старухи, ни девчонки. Одна родила, одна и померла.

Пошла я наутро проведать соседку, прихожу в избу, а она, сердечная, уж и застыла. Да как помирала, завалилась на девочку. Вот эту задавила - ножку вывернула. Собрался народ - обмыли, спрятали, гроб сделали, похоронили. Всё добрые люди. Остались девочки одни. Куда их деть? А я из баб одна с ребенком была. Первенького мальчика восьмую неделю кормила. Взяла я их до времени к себе. Собрались мужики, думали, думали, куда их деть, и говорят мне: "Ты, Марья, поддержи покамест девчонок у себя, а мы, дай срок, их обдумаем". А я разок покормила грудью пряменькую, а эту раздавленную и кормить не стала: не чаяла ей живой быть. Да думаю себе, за что ангельская душка млеет? Жалко стало и ту. Стала кормить, да так-то одного своего да этих двух - троих грудью и выкормила! Молода была, сила была, да и пища хорошая. И молока столько Бог дал в грудях было, что зальются бывало. Двоих кормлю, бывало, а третья ждет. Отвалится одна, третью возьму. Да так-то Бог привел, что этих выкормила, а своего по второму годочку схоронила. И больше Бог и детей не дал. А достаток прибавляться стал. Вот теперь живем здесь на мельнице у купца. Жалованье большое, жизнь хорошая. А детей нет. И как бы мне жить одной, кабы не девчонки эти! Как же мне их не любить! Только у меня и воску в свечке, что они!

Прижала к себе женщина одною рукой девочку хроменькую, а другою рукой стала щек слезы стирать.

И вздохнула Матрена и говорит:

- Видно, пословица не мимо молвится: без отца, матери проживут, а без Бога не проживут.

Проговорили они так промеж себя, поднялась женщина идти; проводили ее хозяева, оглянулись на Михаилу. А он сидит, сложивши руки на коленках, глядит вверх, улыбается.

Х

Подошел к нему Семен: что, говорит ты, Михаила! Встал Михаил с лавки, положил работу, снял фартук, поклонился хозяину с хозяйкой и говорит:

- Простите, хозяева. Меня Бог простил. Простите и вы.

И видят хозяева, что от Михайлы свет идет. И встал Семен, поклонился Михаиле и сказал ему:

- Вижу я, Михаила, что ты не простой человек, и не могу я тебя держать, и не могу я тебя спрашивать. Скажи мне только одно: отчего, когда я нашел тебя и привел в дом, ты был пасмурен, и когда баба подала тебе ужинать, ты улыбнулся на нее и с тех пор стал светлее? Потом, когда барин заказывал сапоги, ты улыбнулся в другой раз и с тех пор стал еще светлее? И теперь, когда женщина приводила девочек, ты улыбнулся в третий раз и весь просветлел. Скажи мне, Михаила, отчего такой свет от тебя и отчего ты улыбнулся три раза?

И сказал Михаил:

- Оттого свет от меня, что я был наказан, а теперь Бог простил меня. А улыбнулся я три раза оттого, что мне надо было узнать три слова Божий. И я узнал слова Божьи; одно слово я узнал, когда твоя жена пожалела меня, и оттого я в первый раз улыбнулся. Другое слово я узнал, когда богач заказывал сапоги, и я в другой раз улыбнулся; и теперь, когда я увидел девочек, я узнал последнее, третье слово, и я улыбнулся в третий раз.

И сказал Семен:

- Скажи мне, Михаила, за что Бог наказал тебя и какие те слова Бога, чтобы мне знать. И сказал Михаил:

- Наказал меня Бог за то, что я ослушался его. Я был ангел на небе и ослушался Бога.

Был я ангел на небе, и послал меня Господь вынуть из женщины душу. Слетел я на землю, вижу: лежит одна жена - больна, родила двойню, двух девочек. Копошатся девочки подле матери, и не может их мать к грудям взять. Увидала меня жена, поняла, что Бог меня по душу послал, заплакала и говорит: "Ангел Божий! мужа моего только схоронили, деревом в лесу убило. Нет у меня ни сестры, ни тетки, ни бабки, некому моих сирот взрастить. Не бери ты мою душеньку, дай мне самой детей вспоить, вскормить, на ноги поставить! Нельзя детям без отца, без матери прожить!" И послушал я матери, приложил одну девочку к груди, подал другую матери в руки и поднялся к Господу на небо. Прилетел к Господу и говорю: "Не мог я из родильницы души вынуть. Отца деревом убило, мать родила двойню и молит не брать из нее души, говорит: "Дай мне детей вспоить, вскормить, на ноги поставить. Нельзя детям без отца, без матери прожить". Не вынул я из родильницы души". И сказал Господь: "Поди вынь из родильницы души и узнаешь три слова: узнаешь, что есть в людях, и чего не дано людям, и чем люди живы. Когда узнаешь, вернешься на небо". Полетел я назад на землю и вынул у родильницы душу.

Отпали младенцы от грудей. Завалилось на кровати мертвое тело, придавило одну девочку, вывернуло ей ножку. Поднялся я над селом, хотел отнести душу Богу, подхватил меня ветер, повисли у меня крылья, отвалились, и пошла душа одна к Богу, а я упал у дороги на землю.

XI

И поняли Семен с Матреной, кого они одели и накормили и кто жил с ними, и заплакали они от страха и радости.

И сказал ангел:

- Остался я один в поле и нагой. Не знал я прежде нужды людской, не знал ни холода, ни голода, и стал человеком. Проголодался, замерз и не знал, что делать. Увидал я - в поле часовня для Бога сделана, подошел к Божьей часовне, хотел в ней укрыться. Часовня заперта была замком, и войти нельзя было. И сел я за часовней, чтобы укрыться от ветра. Пришел вечер, проголодался я и застыл и изболел весь. Вдруг слышу: идет человек по дороге, несет сапоги, сам с собой говорит. И увидел я впервой смертное лицо человеческое после .того, как стал человеком, и страшно мне стало это лицо, отвернулся я от него. И слышу я, что говорит сам с .собой этот человек о том, как ему свое тело от .стужи в зиму прикрыть, как жену и детей прокормить. И. подумал: “Я пропадаю от холода и голода, а вот идет человек, только о том и думает, как себя с женой шубой прикрыть и хлебом прокормить. Нельзя ему помочь мне”. Увидал меня человек, нахмурился, стал еще страшнее и прошел мимо. И отчаялся я. Вдруг слышу, идет назад человек. Взглянул я и не узнал прежнего человека: то в лице его была смерть, а теперь вдруг стал живой, и в лице его я узнал Бога. Подошел он ко мне, одел меня, взял с собой и повел к себе в дом. Пришел я в его дом, вышла нам навстречу женщина и стала говорить. Женщина была еще страшнее человека - мертвый дух шел у нее изо рта, и я не мог продохнуть от смрада смерти. Она хотела выгнать меня на холод, и я знал, что умрет она, если выгонит меня. И вдруг муж ее напомнил ей о Боге, и женщина вдруг переменялась. И когда она подала нам ужинать, а сама глядела на меня, я взглянул на нее - в ней уже не было смерти, она была живая, и я в ней узнал Бога.

И вспомнил я первое слово Бога: “Узнаешь, что есть в людях”. И я узнал, что есть в людях любовь. И обрадовался я тому, что Бог уже начал открывать мне то, что обещал, и улыбнулся в первый раз. Но всего не мог я узнать еще. Не мог я понять, чего не дано людям и чем люди живы.

Стал я жить у вас и прожил год. И приехал человек заказывать сапоги такие, чтобы год носились, не поролись, не кривились. Я взглянул на него и вдруг за плечами его увидел товарища своего, смертного ангела. Никто, кроме меня, не видал этого ангела, но я знал его и знал, что не зайдет еще солнце, как возьмется душа богача. И подумал я: “Припасает себе человек на год, а не знает, что не будет жив до вечера”. И вспомнил я другое слово Бога: “Узнаешь, чего не дано людям”.

Что есть в людях, я уже знал. Теперь я узнал, чего не дано людям. Не дано людям знать, чего им для своего тела нужно. И улыбнулся я в другой раз. Обрадовался я тому, что увидел товарища ангела, и тому, что Бог мне другое слово открыл.

Но всего не мог я понять. Не мог еще я понять, чем люди живы. И все жил я и ждал, когда Бог откроет мне последнее слово. И на шестом году пришли девочки-двойни с женщиной, и узнал я девочек, и узнал, как остались живы девочки эти. Узнал и подумал: “Просила мать за детей, и поверил я матери, - думал, что без отца, матери нельзя прожить детям, а чужая женщина вскормила, вырастила их”. И когда умилилась женщина на чужих детей и заплакала, я в ней увидел живого Бога и понял, чем люди живы. И узнал, что Бог открыл мне последнее слово и простил меня, и улыбнулся я в третий раз.

XII

И обнажилось тело ангела, и оделся он весь светом, так что глазу нельзя смотреть на него; и заговорил он громче, как будто не из него, а с неба шел его голос. И сказал ангел:

- Узнал я, что жив всякий человек не заботой о себе, а любовью.

Не дано было знать матери, чего ее детям для жизни нужно. Не дано было знать богачу, чего ему самому нужно. И не дано знать ни одному человеку - сапоги на живого или босовики ему же на мертвого к вечеру нужны.

Остался я жив, когда был человеком, не тем, что я сам себя обдумал, а тем, что была любовь в прохожем человеке и в жене его и они пожалели и полюбили меня. Остались живы сироты не тем, что обдумали их, а тем, что была любовь в сердце чужой женщины и она пожалела, полюбила их. И живы все люди не тем, что они сами себя обдумывают, а тем, что есть любовь в людях.

Знал я прежде, что Бог дал жизнь людям и хочет, чтобы они жили; теперь понял я еще и другое.

Я понял, что Бог не хотел, чтобы люди врозь жили, и затем не открыл им того, что каждому для себя нужно, а хотел, чтоб они жили заодно, и затем открыл им то, что им всем для себя и для всех нужно.

Понял я теперь, что кажется только людям, что они заботой о себе живы, а что живы они одною любовью. Кто в любви, тот в Боге и Бог в нем, потому что Бог есть любовь.

И запел ангел хвалу Богу, и от голоса его затряслась изба. И раздвинулся потолок, и встал огненный столб от земли до неба. И попадали Семен с женой и с детьми на землю. И распустились у ангела за спиной крылья, и поднялся он на небо.

И когда очнулся Семен, изба стояла по-прежнему, и в избе уже никого, кроме семейных, не было.